

Алиса Орлова-Вязовская

Сказка
на
Рождество

Алиса Орлова-Вязовская

Сказка на Рождество

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12272184
ISBN 9785447430153*

Аннотация

Взрослые в чудеса не верят. Стоит им услышать «сказочный сюжет», скептически усмеваются: «Так не бывает». Дорогие взрослые, серьезные и умудренные жизненным опытом, чудеса все-таки происходят! Неужели вы ни разу не произносили фразу: «Вот повезло!» Хотя, если свалившийся на голову мешок, набитый деньгами, чудо, а найденная на улице кошка – нет, тогда вы правы, чудес не бывает. Почти все истории этого сборника основаны на реальных событиях. Но вы вправе продолжать считать, что чудес не бывает.

Содержание

Саня-мечтатель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сказка на Рождество

Алиса Орлова-Вязовская

Дизайнер обложки Марина Саенко

Редактор Людмила Яхина

© Алиса Орлова-Вязовская, 2021

© Марина Саенко, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-4474-3015-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Саня-мечтатель

Не повезло Сане с самого рождения. То есть он-то как раз не знал, что ему не повезло. Зато тётя Люба точно знала, что ничего хорошего его в жизни ждать не может. Смешной лопоухий рыжик – это раз. Родился у бессловесной мыши, от которой хахаль сбежал и бросил её без алиментов, – это два. И назвали его не красивым именем Андрон или Радомир, а безликим Саней. И что хорошего может ждать такого заморыша? Если только помощь, а лучше – умный совет, который может дать солидная и устроенная женщина, жена брата – Люба. И если пустоголовая Юля, рыжая мышь, думает, что старший брат рассиропится и будет ей помогать за счёт своей семьи, то очень ошибается.

В детском саду Саня узнал, что рыжие волосы – предмет для насмешек. Что его мама – мать-одиночка, а сам он – безотцовщина. И что Тимурчик как сыр в масле катается, а Саня с мамой перебиваются из «куля в рогожку». Но добродушный и спокойный Саня никакой классовой ненависти не испытывал и себя ущемлённым не считал. У него замечательная добрая мама и замечательный дядя Серёжа – мамин брат, который всё умеет и водит огромную машину далеко-далеко.

Но иногда, укладываясь спать, Саня мечтал: вот бы ему превратиться в Тимурчика, с чёрными волосами и ярко-си-

ними глазами. А вокруг – горки из масла, и он катится по ним, как сыр. И Саня представил себя куском сыра с дырками. А под горкой сидят мыши и ждут, когда мальчик-сыр к ним скатится. Такой сюжет ему не понравился, и он перестал мечтать быть Тимурчиком.

На новогоднем празднике в саду Тимурчик был принцем, Софья – принцессой, а Саня – ёжиком. А ёжику не полагалось танцевать с принцессой и держать её за руку.

Софья была девочкой-куклой. С пепельными кудряшками и нежно-розовыми щёчками. Сане она очень нравилась. Так хотелось тихонько и осторожно потрогать пальцем матовые розовые щёки или погладить шелковистые кудряшки.

После чтения сказки «Спящая красавица» все единодушно решили, что красавица похожа на Софью. А Саня вдруг ни с того ни с сего громко заявил, что когда он вырастет, обязательно женится на принцессе. Все стали смеяться, и толстая Света нравоучительно сказала, что никакая принцесса на Сане не поженится, потому что он рыжий, а поженится принцесса на Тимуре. И все долго дразнили Саню женихом принцессы, но он только спокойно улыбался в ответ. Для себя решив твёрдо, что действительно женится на принцессе, самой взаправдашной.

Несмотря на разницу в условиях жизни, красавец Тимурчик дружил именно с Саней. А остальным разрешал восхищаться собой и завидовать. Может быть потому, что Саня никогда не выклянчивал игрушки, не заглядывал преданно

в глаза. Или потому, что Саня мог играть один и ему не было скучно. А хорошенький Тимурчик вечно не мог придумать себе занятие, и такой друг был очень кстати.

В школу они пошли вместе. Родители Тимурчика устраивали сына в школу с математическим уклоном. Но он закатил истерику, выдавливая слёзы из красивых синих глаз. Он катался по полу и так вошёл в роль, что под конец его стошнило на папино любимое кресло. Перепуганные родители стали уговаривать Санину маму отдать сына в школу с их мальчиком: это было категорическим условием Тимурчика. Учиться он пойдёт только с Саней!

Благодаря этой выходке Саня попал в математическую школу, чему был несказанно рад. Ведь его мама, напуганная разговорами о щедрых школьных взносах, не решалась записать сына в специальную школу. А Сане больше всего нравились головоломки, числа, задачи на логику. Хитрый умный Тимурчик ещё в саду понял, что с таким товарищем учиться он будет без проблем.

Дядя Серёжа радовался, что племянник будет учиться в такой серьёзной школе. А тётя Люба, как всегда, поучительно сказала, что наконец-то Юлька задумалась о будущем. Вот выучится пацаненок, станет бухгалтером, глядишь, хоть прокормит свою мать на старости лет, когда она ноги таскать не будет.

Саня удивился. Как это мама ноги таскать не будет? Она худенькая и лёгкая, зачем ей ноги таскать?! А вот сама тётя

Люба толстая и ноги у неё толстые. И пусть её дочка Алинка прокармливает: ей как раз и надо ноги таскать. И нечего звать его маму Юлькой! Вот бабушка Женя всегда говорит Юлюшка и любит маму. И ему, Сане, говорит Санёчек и смешное слово «дитёнок». Хотя роднѐй-то им она не приходится. Бабушка Женя была тѐти Любиной мамой. Но каждое лето Саня с мамой жили у неё на даче. Сначала тѐтка не собиралась так осчастливливать бедную родственницу, но поразмыслив, решила, что мать не справится с огородом и засолкой овощей одна. Пусть Юлька с ребёнком живѐт за городом, но за это поможет собирать урожай, варить варенье и следить за участком. Хоть какая, да польза. Тѐтя Люба пользу искала во всѐм. Поэтому Алиночка на даче почти не бывала. Для пользы мать каждое лето возила её к морю.

Сане очень нравилось на даче. Бабушка была добрая. Всѐ время кормила вкусненьким, пыталась откормить маму, а то «худая, как птичка». Вместе они собирали овощи, бабушка Женя солила огурцы, помидоры и капусту, мама варила варенье. Единственное, что омрачало летний сезон, это день, когда бабушка говорила: «Скоро Любонька приедет». Это был сигнал. Бабушка искренне хотела дать Юлюшке побольше солений и варений. Мама отказывалась, благодарила, но у бабушки начинал дрожать подбородок – и мама сдавалась. Саня всегда с тоской ждал этого дня. Обвешанные сумками с неподъѐмными банками, они плелись на электричку. Баба Женя охала, тѐрла поясницу, а мамино лицо от тяжести

становилось красным, и, дыша ртом, она походила на рыбу, выброшенную на берег. Праздником была встреча с соседом по даче, дядей Ринатом. Если в это время он возился со своей старой машиной и видел их, навьюченных, то кричал через забор:

– Э! Куда поташили? Не ташите, сейчас машином отвезу.

– Ой, Ринат, сыночек! — умилялась бабушка, — голубчик ты мой! Дай Бог здоровья. Отвези их, Ринатик, и мне старухе тогда в Москву не ехать.

Дядя Ринат укладывал сумки в багажник. И хоть машина дребезжала и подпрыгивала на каждой выбоине, Саня был вполне солидарен с мамой, что добрались по-царски.

Потом с юга возвращалась тётя Люба. Она обходила огород, лазила в погреб. Перед отъездом родственников торжественно ставила на стол баночку огурчиков, баночку помидоров и назидательно говорила: «Вот, Юлия, родственники о тебе с сыном пекутся. Откроешь на Новый год, всё-таки экономия».

Когда Саня был маленьким, то удивлённо пытался уточнить, что бабуля уже дала много банок, еле дотащили, но, перехватив жалобный взгляд бабушки Жени, промолчал. И с тех пор старался выходить из дома во время этих сцен.

Учился Саня хорошо, ему было интересно. Тимурчика от уроков клонило в сон, он зевал, жаловался на головные боли, закатывал свои красивые глаза. И Саня, жалея друга,

учился за себя и «за того парня». Тимурчик в долгу не оставался, он приносил Сане редкие книги, переводную литературу, которую ни Саня, ни его мама не могли бы достать, а тем более купить. Они жили очень скромно на маленькую мамину зарплату.

Если Сане становилось грустно, он вспоминал, как маленьким мечтал жениться на принцессе. Начинал представлять себе, как встречает настоящую принцессу, они гуляют во дворце с колоннами и о чём-то разговаривают. А где же ещё гулять с принцессой? Только между колоннами дворца, наверное.

В девятом классе Тимурчику понравилось щеголять английскими словами. Девушек он называл «бьюти», вечеринки – «сейшеном», друга – «май френд Алекс». Но когда Саня предложил заняться языком серьёзно, Тимурчик сделал скучное лицо и заявил, что охмурить любую гёрл он может и так. И Саня стал учить английский один.

После школы, которую Саня закончил с серебряной медалью, институт даже не обсуждался – только финансово-экономический. Он других вариантов не рассматривал. Этот институт был его мечтой, но для Тимурчика – сущим наказанием. Он вообще не хотел учиться. Но в армию или работать он не хотел ещё больше. Придётся мучиться пять лет в надежде, что Саня и тут его вытащит.

От гордости за племянника, серебряного медалиста, да ещё поступившего в такой серьёзный ВУЗ, дядя Серёжа ку-

пил Саню дорогой велосипед. Супруге было сказано, что велосипед купила Юля в кредит, а брат дал денег только на первый взнос. На что Люба обругала невестку транжиркой, не думающей о завтрашнем дне.

Зато Саня, счастливый и гордый, колесил по дачному посёлку на красивом велике. Ему нравилось ехать далеко без цели. Руки-ноги заняты, а голова свободна для разных приятных мыслей. Саня любил помечтать. Вокруг возникали интересные сюжеты, словно в кино, встречались люди, незнакомые места. И сюжеты вовсе не были какими-то фантастичными, просто чуть ярче, чем в обычной жизни. Иногда он так уходил в придуманную ситуацию, что, съехав с дороги, долго не мог сообразить, где он и как тут оказался. Мама, зная его мечтательность, очень нервничала, боясь, что сын попадёт под машину или врежется в дерево.

Саня учился уже на четвёртом курсе, а лето всё так же проводили на даче. Бабушка очень постарела, и в основном всё делала мама. Саня ездил в магазин, помогал на огороде и, как всегда, мечтал, уезжая далеко по просёлочной дороге.

Было жарко, одуряюще пахли цветы. Сладкий запах мешал сосредоточиться. Стрекотали кузнечики, неподвижный воздух словно звенел. Саню охватила такая лень, что даже съехать с дороги ближе к тени сил не было. Ему казалось, что едет он сам по себе и дремлет при этом.

Вдруг сзади раздался резкий треск ломающихся веток и высокое протяжное: «Бли-и-и-и-и-и-ин!»

На какое-то время он застыл в оцепенении и потом сообразил, что надо обернуться. Из поломанного куста торчали колесо велосипеда и ободранная коленка. Саня испуганно подбежал ближе.

– Что случилось? Вы живы?

– Жива ещё, не дождётесь!

Коленка исчезла и показалась медно-рыжая шевелюра, из которой торчала сухая травинка и репейник. На Саню смотрела девчонка с грязным лицом. Саня сразу и не понял, щёки у неё в земле или в крови.

– Давайте я вам помогу, только резко не вставайте, а то голова закружится.

Он вытаскивал незнакомку из куста, нервничая, что обнаружится какая-нибудь серьёзная травма, при которой пострадавшего нельзя шевелить. Но девчонка не визжала, выбралась почти без посторонней помощи. Выйдя на дорогу, она отряхнула одежду и начала себя осматривать.

– Ну вот, грязи больше, чем увечий, — удовлетворённо заметила пострадавшая.

Саня вытащил то, что осталось от велосипеда.

– Вам очень повезло, куст амортизировал удар.

– А я вообще везучая, — невозмутимо ответила девчонка. — Слушай, парень, ты далеко живёшь? А то мне до дома прилично плюхать. Не хочу папу пугать своим видом — не мешало бы умыться.

Саня почему-то обрадовался.

– Я тут – совсем рядом. Поехали, у меня мама дома и бабушка, они вас в порядок приведут.

– Ну, раз мама и бабушка, значит ты не маньяк, — хмыкнула она.

Когда Саня подъехал к калитке с сидящей сзади девчонкой, домашние только руками всплеснули. Он даже толком объяснить ничего не успел, как гостью потащили в дом под оханье бабушки Жени, а Саню в дом не пустили. Мама только в окно его подзывала с поручениями: быстренько водички, быстренько тазик, быстренько полотенце с верёвки. Под окном он слышал, как бабушка обещала, что щипать не будет. И мамин голос: «Сейчас, Наташенька, вот тут ещё перекисью протру». Так Саня узнал, что девчонку зовут Наташа. Понятно, что мама и бабушка Женя добрые, но носятся они с этой девчонкой чересчур. Может, решили, что это он её на велике переехал и надо грехи замаливать?

Наконец Саню пустили в дом – пить чай. Наташка сидела за столом в бабушкином халате. Мама намазывала ей хлеб вареньем, бабушка размешивала сахар в чашке.

– Это я удачно зашла, — с полным ртом проговорила девчонка. Сане почему-то нравилось мысленно называть Наташу девчонкой. Слово «девушка» к ней не шло, по его мнению.

– Надеюсь, вы не очень пострадали?

– Не, тётя Юлечка сказала, жить буду.

Надо же, «тётя Юлечка». Быстро освоилась. Но стало при-

ятно, что так маму назвала.

— А бабуля меня всю зелёнкой намазала. Могу в лесу маскироваться, как в фильме «Хищник».

Мама с бабушкой засмеялись.

— Повезло мне прямо с вашим Сашей. Он меня спас. Жаль, вы не видели. А то я насмерть убилась бы в лесу, насмерть! — Наташка произнесла эту фразу зловещим шёпотом, смешно округлив глаза.

Саня, не выдержав, улыбнулся. Всё в ней было каким-то весёлым и радостным. Наташа даже не пыталась кокетничать. словно она не заботилась о том, как бы произвести впечатление. И её не смущал старый халат бабули и даже маленькая травинка, что застряла в волосах.

За чаем выяснилось, что живёт Наташка с отцом. Мамы не стало, когда она была ещё маленькая. Папа работает сторожем на дачных участках за речкой, а она оканчивает швейное училище.

Сидели за столом долго. Но мама спохватилась: Наташин папа, наверное, волнуется. Надо девочку проводить, и пусть завтра она опять придёт в гости. Саня и сам понимал, что поздно, но почему-то не хотелось, чтобы она уходила.

Поехали на Санином велосипеде. Наташа сидела сзади, прильнув к его спине. И от этого стало уютно и спокойно, словно так уже было раньше и должно быть всегда. Ехали медленно: Саня боялся, что она упадет на свои и так ободранные коленки. А Наташа смеялась и уверяла, что он едет

медленно, потому что она девушка упитанная и сдвинуть её с места тяжело. Хотя она не была полной, а скорее, ширококостной – из-за пухлого скуластого лица производила впечатление толстушки. Медно-рыжие волосы забраны бархатной резинкой. Лицо было совсем простое – ничего выдающегося. А Сане казалось, что Наташа красивая. Нравилось, что щёки круглые, на носу россыпь веснушек и рот великоват. При такой невзрачной внешности что-то было в Наташе необъяснимо-приятное для Сани. И хотелось ехать и ехать по дороге и переговариваться. А то вот доберутся они до дома и придётся сдать Наташу с рук на руки её папе и убираться восвояси.

Подъехали к деревянному дому. Забор старый, покосившийся. У дома вид тоже не ухоженный. За столом во дворе коренастый дядька в застиранной рубашке чистил рыбу. На крыльце сидел высокий здоровый парень. Такой же бугай стоял рядом, курил. Саню как-то неприятно кольнуло. Дядька поднял голову, удивлённо посмотрел на Саню.

– Это что ж, гости к нам?

– Меня привёз, покалеченную, — плаксиво сказала Наташа. — В лесу подобрал. Видит, лежит девушка, признаков жизни никаких. Дай, думает, домой отнесу, жалко добро пропадать.

Она говорила, прерывая свою речь всхлипыванием, демонстративно утрированно-громко сморкаясь.

Саня с ужасом смотрел на округлившиеся глаза дядьки.

Мелькнула глупая мысль: «Сейчас два этих бугая отметелят меня за нападение на человека».

— Значит, заседание в «Грибоедове» не состоится? — лицо дядьки приняло жалобное выражение. — Как подумаю, одна нога — хрусть пополам! Другая — хрусть пополам! Пойду приму несколько капель валерьянки.

И Наташа с дядькой захохотали. Саня растерянно переводил глаза с одного на другого, хотя фраза «хрусть пополам» показалась знакомой.

Бугаи невозмутимо переглянулись.

— Булгаков! «Мастер и Маргарита»? — Саня с надеждой посмотрел на дядьку.

— Ваша правда, молодой человек. Мы хоть люди простые, классику уважаем.

— Пап, да хватит уже. Знакомься. Это Саша, он меня спас. А велосипед мой помер и похоронен в лесу.

— Да понял я. Ну, здравствуйте, Саша, меня звать дядя Гриша, а вот эти два — родственники мои дальние, из деревни погостить приехали.

Амбалы опять переглянулись и хмыкнули.

— Сейчас вот рыбу жарить буду. Сам поймал сегодня, во какую!

— Спасибо, дядя Гриша, темнеет уже, мне домой надо ехать.

— Боишься по темноте ехать?

— Нет, что вы. Просто мама с бабушкой волноваться будут,

у бабушки давление, ей волноваться нельзя.

Дядя Гриша внимательно посмотрел на Саню.

– Это хорошо, что ты уважительный. Ну что ж, приходи тогда завтра, посидим, пообщаемся.

Саня рта не успел открыть.

– А вот и нет, папочка. Завтра я сама в гости иду. Меня Сашина мама с бабулей звали.

Дядя Гриша сделал плаксивое лицо.

– А отец-то как же, не нужен больше? Ох, и обидела ты меня, доча.

Саня опять купился.

– Дядя Гриша, вы, наверное, Наташу не так поняли. Приходите вместе. Мама с бабушкой только рады будут.

Дядька опять внимательно и с интересом посмотрел на Саню.

– Забавный ты парнишка. Не напрягайся, я пошутил, конечно. Пусть Наташка идёт, не возражаю. А мне и времени-то нет. Я ведь сторожем работаю, моё дело сторожить.

Опять переглянулись амбалы. Саню уже настораживать начало их переглядывание.

Пока ехал домой, конечно же, думал о Наташе. Очень она ему понравилась. Вспоминать о ней было приятно. Папа у неё странный немного, вроде мужик с юмором, но внешне запущенный, неухоженный. Наверное, потому что без жены. Работа сторожем тоже респектабельности не подмога. Возможно, и выпить дядя Гриша уважает. А эти родственни-

ки из деревни вообще не понравились. За всё время слова не сказали. Здоровые амбалы, а приехали к дяде и сидят без дела. Лучше бы забор ему помогли поправить. На таких пахать можно, сидят курят. Провожали бы тогда Наташу в лес, чтобы девчонка одна не ездила. Жлобы, одно слово.

На другой день пришла Наташа. Даже не пришла, а прикатила. Привез на велосипеде Саня. Так хотелось её быстрее увидеть, что, не дожидаясь завтрака, Саня укатил за реку. Прекрасный повод: идти-то далеко, велосипеда у неё теперь нет.

Время пролетело незаметно. Наташа начала помогать маме полоть грядки, бабуле развесить белье. У неё получалось как-то естественно, как будто она давно здесь живёт, знает, за что и как браться. Саня даже заревновал немного, хотелось самому с ней побыть. Вечером, когда бабушка Женя уже уснула, Саня сидел с мамой на крыльце и разговаривал. Они любили говорить друг с другом. Мама даже в детстве в беседах с ним была серьёзна, словно он равный собеседник. Разговор, конечно, был о Наташе. Ему было приятно называть её имя вслух, нравилось слушать, как его произносит мама.

Она заметила, что Наташа очень хозяйственная для своих лет. Наверное, потому что росла без матери. И как сразу нашла общий язык с ней и бабулей. Конечно, любой девочке нужна женская ласка. Какой бы папа ни был, мать не заменишь. Мама жалела Наташу вслед за сыном, предположив,

что папа у неё выпивает.

Саня встречался с Наташей весь месяц, до приезда тёти Любы. Надо было уезжать домой. Хорошо, хоть выяснилось, что Наташа тоже уедет. Учебники какие-то надо купить и вообще дел много. Саня обрадовался. О уже решил, что будет ездить из Москвы каждый день на электричке, потому что не видеть Наташу он не сможет. Конечно, ей он этого не сказал. Хотя самолюбие приятно щекотало, что и Наташе он нравится.

Когда он думал о ней или их отношениях, логически осмыслить не мог. Ничего выдающегося в ней нет. Личико заурядное. Фигура по современным меркам полноватая. Одета просто. На улице на неё не обернёшься. Что же тогда в ней необыкновенного, раз Саню при каждой встрече окутывает уютное тепло и становится спокойно, словно он был далеко-далеко, а теперь вернулся домой?

С каждой новой встречей Саня всё больше убеждался, что существовать в мире, где нет Наташи, пустая трата времени. Вот это влюбился! Ничего себе! Он от себя такого не ожидал.

В сентябре началась учёба. Но Саня старался планировать своё время так, чтобы видеться с Наташей почти каждый день. Однажды собрались пойти на ВВЦ, но прямо в дверях застал звонок Тимурчика. Он упрашивал Саню срочно дать ему конспект лекции, на которой, естественно, не был.

– Алекс! Спасай срочно! Препоод согласился принять зачёт. Второго случая не будет.

– Хорошо, не волнуйся. Сейчас занесу, только я не один.

– Ноу проблем, дарлинг, хоть со взводом ОМОН.

Саня отправился с Наташей. Тимурчик, как гостеприимный хозяин, угостил их кофе. Немного поболтали и ушли. Но по дороге у Сани испортилось настроение. Зачем он повёл Наташу с собой? Вот дурак! А вдруг она влюбится в Тимурчика? В него всегда влюбляются. И хорош он тогда будет. Если потеряет Наташу, это будет его вина. Вот осёл!

Наташа внимательно смотрела на Саню, ничего не говорила. И в какой-то момент, прямо посередине дороги, обняла его двумя руками за шею.

– Саш, ты дурачок?

– В смысле? — опешил он.

– Я вижу, что ты кислый с тех пор, как вышли из квартиры мистера самого-обаятельного-и-привлекательного. Ты считаешь, что все без исключения должны падать от таких красавцев? Могу поспорить, что девушек у него навалом, но из них ни одной умной.

– Мы дружим с детского сада. Он хороший парень. Просто может, ему с девчонками не везёт, — растерянно проговорил Саня, вспомнив, как Тимурчик постоянно жаловался, что ему вечно попадаются красивые дуры.

– Естественно. А тебе везёт. Например, со мной.

Они рассмеялись, и Сане стало легко и немного жаль Тимурчика.

При встрече Тимурчик тоже не преминул высказаться:

– Дарлинг, я понимаю: дело вкуса. Но только без обид? С такой девицей хорошо жить в удалённой от столицы местности, с коровками, козочками, коромыслом. Словом, она на любителя стиля «кантри».

– Что ты мелешь?

– Мы договорились: без обид. Ты мне друг и небезразлично, кто рядом с тобой. Вот если хочешь, с Милкой придёт её подруга Ритка. Вот это товарный вид: ноги – супер, грудь – торчком. Пойдёшь с ней по улице, все обернутся.

– Спасибо. Не хочу. У меня к тебе одна просьба: хоть ты мне друг, но не смей обсуждать мою Наташу никогда и нигде.

Тимурчик решил, что дружба дороже и держал своё мнение о Саниной крестьянке при себе.

В конце осени, когда мерзкая погода не стимулировала выйти из дому, мама сказала, что у неё к сыну серьёзный разговор.

– Что-то случилось?

– Да. Сашенька, речь пойдёт о Тате, — мама давно уже так называла Наташу. — Сыночек, я воспитала тебя эгоистом. И я оказалась эгоисткой.

Саня опешил.

– Я не понял, что случилось и почему мы эгоисты и при чём здесь Наталья? Давай по порядку.

– Хорошо. Вот ты и я, мы сейчас где?

– Мам, ты меня пугаешь.

– Я неправильно начала. Мы с тобой сейчас сидим в тёп-

лой квартире и пьём чай. За окном ад кромешный, но нам всё равно, потому что нам не дуёт. А ты знаешь, где сейчас Таточка?

– Она сказала, у тёти.

– Нет никакой тёти. Таточка тебе это специально говорит, чтобы ты её не провожал до дома. Вот ты куда её провожаешь?

– На Белорусскую, а что? — Саня начал заметно нервничать. — Ты что-то узнала? Объясни, пожалуйста, а то я себя чувствую как герой сериала, о котором все всё знают, кроме него самого.

– На Белорусскую, потому что она потом садится в электричку и едет домой к папе. Я случайно слышала, как звонила ему и говорила, что едет домой.

– В эту развалюху! Сейчас?!

– Да. Бедная девочка о тебе подумала. Как же, мол, Сашенька провожать поедет туда-сюда на электричке. А ты о ней не думаешь, как Таточка в такую погоду живёт в жутких условиях со своим несчастным пьющим папой, — глаза у мамы начали увлажняться. По её лицу было видно, какие горькие картины тяжёлого быта она себе нарисовала.

– Я же ничего не знал! Мам, неужели ты думаешь, что я спокойно уходил бы домой, зная, что Наташка едет одна в электричке? Да ещё эта изба их убитая.

– Сашенька, я вот что подумала. Не знаю, правда, как ты на это посмотришь. Квартира у нас, конечно, маленькая,

но может получиться.

Он уже догадался, что мама скажет дальше. У него от такой перспективы даже голова закружилась. Если Наташа будет жить у них, он будет видеть её каждый день! Они будут завтракать и ужинать вместе. Всегда в любой момент можно будет поговорить, можно обнять Наташу, можно просто посмотреть, как она что-то делает... Саня, как всегда, размечтался. Очнулся от маминого голоса:

– Сынок, ты должен съездить и поговорить с Таточкиным папой. Если он будет возражать – а он вправе это сделать, всё-таки речь идёт о девочке – тогда поеду я и объясню, что девочка будет жить в комнате со мной. И ничего предосудительного в этом нет.

Они проговорили до двух ночи. Придумывали веские аргументы для дяди Гриши, планировали перестановку. Под конец беседы Саня так разошёлся, что собрался начать двигать мебель, на что мама заметила, что соседей снизу вряд ли это обрадует.

Спал Саня плохо. Всё время снилась покосившаяся изба, храп пьяного дяди Гриши за столом, хотя Саня его пьяным не видел. Снилось, как замершая Наташа, роняя слёзы, может покрасневшими руками деревянный пол, а амбалы сидят на крыльце и громко хлебают уху из пойманной дядей Гришей рыбы.

Еле дождавшись встречи с Наташей, Саня сказал, что у него серьёзное дело к её отцу – ему надо срочно с ним

поговорить. Она почему-то испугалась, стала объяснять, что папу надо обязательно предупредить о приезде. Может, его там сейчас нету, может, он вообще поехал в деревню навестить родню. И с бухты-барахты не следует ехать. Саня про себя решил, что, скорей всего, у дяди Гриши запой и Наташа стесняется, что Саня это увидит.

– Хорошо, я не поеду сегодня, но мне это очень нужно сделать, и чем раньше, тем лучше.

– Да что случилось-то, может, можно без папы решить?

– Нельзя. Без папы нельзя.

Саня упёрся ещё потому, что, ворочаясь ночью и придумывая веские аргументы на случай категорического отказа дяди Гриши, решил, что он на Наташе женится. Вот так – ни больше ни меньше. Жена обязана жить у мужа, и дядя Гриша должен по-любому смириться. Саня решил это сам. Поэтому маме ничего не стал говорить. И даже не сообразил, что потенциальная невеста элементарно может не захотеть замуж. В конце концов, ей девятнадцать лет всего, двадцать только весной исполнится.

Наташа, поняв, что Саня настроен решительно, согласилась устроить встречу, но надо договориться на какой-то конкретный день. Она позвонит в дачный кооператив, попросит папу к телефону и всё решит. На том и остановились.

Поездка стала возможной только через три дня. Саня за это время окончательно утвердился в мысли, что жениться – самое правильное решение. Правда, будущую супругу

в курс дела не поставил.

Наконец поехали. Из-за того, что Саня ни в какую не соглашался объяснить причину поездки, начала нервничать Наташа. Оба были взвинчены. В электричке молчали. У Наташи, которая по характеру была хохотушкой, стало непривычно серьёзное лицо, даже веснушки побледнели. После электрички долго тряслись в поселковом автобусе. Саня с тоской думал, что вот так она, бедная, ездит каждый день. Конечно, он скотина и эгоист. Правда он не знал раньше об этом, верил в тётку на Белорусской, но его это не оправдывало. Сидел в кресле вечером, пил чай, слушал музыку, книжки читал. Мама пекла булочки с корицей, запах плавал по тёплой квартире. А замершая Наташа приезжала в заброшенный дом, стирала, наверное, в тазике и варила еду на маленькой электрической плитке. И пахло не корицей с ванилью, а сырыми досками и гнилым полом. Расстроенный своими мыслями, Саня прижал Наташу к себе.

– Натуль, прости меня, пожалуйста!

Наташа озадаченно смотрела на него.

– Сашка, ты меня уже несколько дней просто пугаешь. То папу тебе подавай, то прощенья просишь непонятно за что. У меня может возникнуть этот, Господи, из головы вылетело, ну этот, а, маниакально-депрессивный психоз. Придёшь меня навещать, а я всем врачам скажу, что довёл меня любимый человек и лечить меня бесполезно, потому что я не перестану с ним встречаться, значит, он может опять меня до-

вести, зачем же тратить дорогие препараты и всякие процедуры...

– Ой, болтушка ты. Давай руку, приехали.

Подошли к дому. Сейчас, поздней осенью, он выглядел ещё более жалким. На крыльце опять стоял один из амбалов. Прирос он, что ли, к ступенькам, раздраженно подумал Сания. На приветствие амбал флегматично кивнул. Дядя Гриша был трезвым и даже выбритым. Правда, одет опять в застиранную рубашку и накиннутый на плечи ватник. В доме было прохладно и сыро, как в нежилом помещении.

– Здравствуй, гость дорогой. Что ж это ты пожилого человека пугаешь? Дочка как заполошенная звонит: «Бросай папа все дела, разговор к тебе серьёзный». Сиди, отец, нервничай. А в нашем возрасте, Александр, нервничать вредно.

– Вы меня, пожалуйста, дядя Гриша, извините, но разговор действительно серьёзный и нужный.

– Ну, садись, может, выпьем, раз серьёзное дело?

Лицо Сани болезненно сморщилось. Наташа, глядя на отца, хмыкнула.

– Спасибо. Я не пью. И если можно, хотел бы поговорить с вами наедине. Наташенька, не обижайся, но сначала мне надо поговорить с твоим папой, а потом нам всем вместе.

– Вот это да! Мне чего уходить? На дождь, на мороз, в непроглядную тьму!

– Иди, дочка, не мешай. Хоть воздухом подышишь, не то что в городе.

Наташа вышла. Саня сел за стол напротив дяди Гриши. Вздыхнул, как будто к прыжку приготовился.

– Дядя Гриша, понимаете, в чем дело... Дело в том...

– Да не тяни, Александр, чего случилось-то?

– В принципе, ничего страшного не случилось. Я подумал, что нехорошо Наташе жить здесь.

– Вот те раз! А где ж ей жить, как не у родного отца?

– Вы не поняли. Учиться она всё равно едет в город, мотается по электричкам, и потом в городе и условия другие.

– Условиев я других дать не могу. А квартиру снимать в городе средства не позволяют.

На этой фразе лицо дяди Гриши почему-то расплылось в улыбке.

– Ни о какой съемной квартире речь не идёт. Мы поговорили с мамой, она к Наташе очень привязалась. Так вот, мы подумали, что ей лучше жить у нас.

Дядя Гриша оторопело смотрел на Саню и молчал. Саня занервничал.

– Не подумайте, пожалуйста, ничего такого. Так будет лучше.

– Ну и ну, сказать-то чего, не знаю. Это я, отец, должен вот так просто, по-твоему, пустить дочку к молодому человеку? Живи, мол, там горячая вода из крана текёт?

Саня понимал, что такой ответ возможен, но начал заводиться. Раздражала ещё постоянная манера дяди Гриши говорить как-то нарочито неграмотно, как говорят актёры,

играющие деревенских жителей. Все эти «условиев», «как жеть», «мы люди простые», «текёт» выглядели наигранно, неестественно. Саню всегда удивляло, что людям обычно хочется выглядеть лучше, чем они есть, а дядя Гриша как будто старается показаться таким простецким недалёким мужиком. Хотя при его внешности и жизни мог бы этого не подчёркивать. Но, как бы там ни было, надо держать свои эмоции при себе. В конце концов, это Наташин отец, будущий родственник, и ради неё он готов терпеть странного папу и амбалов – троюродных братьев.

– Так что же это ты удумал, Александр, да ещё и маму подключил?

– Дядя Гриша, а как ваше отчество?

– Да на что тебе отчество? Дядя и дядя.

– То, что я сейчас скажу, требует официального обращения.

– Экий ты упертый, ну Николаевич я.

– Так вот. Уважаемый Григорий Николаевич, я очень люблю Наташу и прошу её руки, — Сане наконец стало так легко, как будто прыжок с парашютом прошёл благополучно, и он уже на земле.

Дядя Гриша молча смотрел на Саню, но глаза не тарашил, в обморок не падал, за валидолом не лез.

– Во как. То просто пожить, то замуж. Ну, допустим, я согласился и дочка согласилась, хотя её ты вряд ли успел спросить. Иначе она бы мне по телефону уже всё сказала. Но всё-

таки предположим, что все согласны. А жить-то вы как будете? Ты учишься, Наташка учится, я вам вряд ли деньгами помогу, и матушка твоя вроде не банкирша. Так как быть, жених?

– Да ни на вас, ни на мою маму я не рассчитывал. Я уже год подрабатываю. Во-первых, я работаю в своём институте на кафедре, во-вторых, у меня есть ученики, в смысле я репетитор. И если речь о деньгах, то я просто увеличу количество учеников. Ну и стипендию мне повышенную платят, как отличнику.

– Ишь ты, вот что значит образованный. Значит, прокормишь дочку мою?

– Даже не сомневайтесь.

Дядя Гриша вдруг начал смеяться и смеялся так заразительно, что решивший обидеться Саня не выдержал и тоже улыбнулся.

– Дядя Гриша, надо Наташу позвать, она же там замёрзла, наверное.

Обиженная Наташа сидела на крыльце.

– Татка, извини нас, пожалуйста, замёрзла совсем, да?

– Нет, мне тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

– Ну ладно, доча, не обижайся, у нас и впрямь дело серьёзное было. А сейчас чайку попьем, раз студент от другого отказывается.

Саня опять обратил внимание на этот разговор и не мог избавиться от навязчивой мысли, что дядя Гриша как буд-

то не живёт, а играет роль сельского мужика из глухомани. И играет плохо, как в клубе, а не в профессиональном театре. Но не говорить же об этом Наташе.

За чаем, когда отец сказал Наташе, что Саня официально просит её руки, Наташа округлила глаза, всплеснула руками.

– Сашка! Ты что? Серьёзно жениться решил?

– А что тебя удивляет? Я могу при дяде Грише ещё раз повторить: я тебя очень люблю. Не знаю, словами как-то глупо получается. Как это нормально можно объяснить, когда одному человеку без другого очень плохо, хочется всегда быть рядом, ну правда, не могу толком сказать. То, что чувствуешь, не всегда можно высказать и...

– Ой, Саш, а почему ты мне раньше не говорил, что любишь?

– Потому что жениться не собирался, — просто ответил Саня.

И тут Наташа с папой захохотали. Они смеялись взхлеб, у дяди Гриши даже слёзы выступили.

– Ох, Александр, забавный ты парень, но за откровенность хвалю.

– Сашка, — вытерев глаза, сказала Наташа, — а ты в курсе, что я бесприданница?

– Я в курсе, что ты, глупенькая. Я серьёзно, а ты ерунду говоришь.

– Это как посмотреть, студент. Приведёшь её домой, а у невесты одежды один чемоданчик. Матушка твоя только

руками разведёт.

– Григорий Николаевич, мне сейчас не очень приятно, что вы, не зная мою маму, говорите как о старосветской мещанке – свекрови, которая будет смотреть, сколько добра принесла в дом невестка. Мне вообще не хочется продолжать разговор на эту тему. Пока я не начал работать, мы жили с мамой очень скромно, но это не значит, что наша семья чувствовала себя пришибленной и неполноценной. Сейчас нам стало легче и надеюсь, у меня получится обеспечить своей жене нормальное существование.

– Да не ершишься ты, Александр. Ты хороший парень, нравишься ты мне. Если дочка хочет за тебя замуж, да и Бог в помощь. А что она молоденькая такая, может, и лучше. А то вон некоторые ждут, пока выучатся, потом квартирой обзаведутся, потом карьеру сделают. Так и вековухой остаться недолго. Я для единственной дочери такого не хочу. Тем более ты жених-то с жилплощадью.

– Я никак понять не могу, вы шутите или издеваетесь?

– Ох, Александр, что ж ты трепетный такой? Мне, как отцу, простительно всё уточнить. Жилплощадь в наше время – дело немаловажное.

– Но главное-то – как нам вместе!

– Ага, по принципу «с милым рай и в шалаше»?

– Если милый атташе, — сделав постное лицо, добавила Наташа.

– Ладно, доча, хватит ёрничать, давайте серьёзно. Мне,

Александр, надо бы с матушкой твоей потолковать насчёт свадьбы.

— Мамой, — машинально поправил Саня.

— Так ты мне адресок-то напиши, я ведь только днём могу приехать.

— Здорово! Мама как раз на следующей неделе до трёх только работает.

— Вот и ладно. Но уговор: до свадьбы Наталья у вас жить не будет. Месяц, два, роли не играет, уж как-нибудь с отцом проживёт. Пусть всё по-правильному будет, как положено, чтобы мне перед роднёй не краснеть.

Наташа с дядей Гришей опять переглянулись и засмеялись.

«Ладно, Наташка, она молоденькая, девчонка совсем, а папа её точно несерьёзный человек. Но это теперь ничего не значит. Главное, что они поженятся. Наташа согласна и папа согласен, об остальном потом подумаю», — решил Саня.

Домой ехал один, чтобы ещё раз всё спокойно обдумать, тем более что появились угрызения совести. Маме-то он ничего не сказал. Наверное, они вправду эгоист. Эгоист и предатель. Мама не заслужила такого отношения. Сама предложила, чтобы Наташа жила у них, а он, решив жениться, ничего не сказал. Значит он неблагодарная свинья! Саня ещё раз вслух повторил:

— Свинья!

Сидевшая рядом старушка испуганно посмотрела на него.

Дома опять проговорили до ночи. Саня просил у мамы прощения, приводил какие-то оправдывающие аргументы, но потом сам же отметал их, доказывая, что мама воспитала морального урода. Она в отчаянии убеждала его, что он замечательный сын. Добрый и благородный человек, просто по молодости совершает какие-то промахи. Эта «Индийская мелодрама» продолжалась довольно долго, пока измученный самобичеванием Саня и готовая расплакаться мама не спохватились, что за окном уже светает, а по делу ничего не решили.

– Сашенька, утро вечера мудренее, давай завтра всё спокойно обсудим.

Утром не выспавшийся Саня убежал в институт. Потом отработал до пяти на кафедре. Позвонил маме, чтобы не волновалась: он придёт поздно, будет заниматься с ребятами. Благо ученики жили недалеко от его дома. Мама сказала, что всё в порядке, она дома и ждёт Таточкиного папу: он звонил, что подъедет.

Саня еле дождался конца занятий. Хотелось поскорей домой, узнать, как прошла встреча. Дядю Гришу он уже не застал. Пока ужинал, мама рассказывала:

– Так неудобно вышло. Лидия Михайловна, соседка, приняла Григория Николаевича за сантехника. Раскричалась, что она ещё вчера вызывала, а он в нашу квартиру идёт. Я уж извинялась, извинялась. А он только улыбается. Ну

а по поводу свадьбы, что и делать, Сашенька, ума не приложу. Григорий Николаевич категорически против нашего участия в расходах. Я ему говорю, что надо всё посчитать, продумать, а он упёрся. Слышать ничего не хочет. Я, говорит, всю жизнь мечтал дочке шумную свадьбу отгрохать, чтобы родня зауважала. Представляешь, сынок, свадьба с расчётом на родню! Я говорю, что могу взять кредит. И брат поможет. Он чуть не прослезился. Вы, говорит, меня совсем не уважаете, свадьба – мое дело. Ваше дело – чтобы жених хорошо выглядел, а то родственники оглядывать будут, жених – москвич всё-таки. Я ему про то, что Таточку надо наряжать, на невесту больше смотрят, а он: «Дочка в швейном учится, там и сошьют». Короче, переговорить его не смогла. Я сама пойду с Таточкой и куплю ей платье, что они там сошьют, в училище, неизвестно.

– Мам, вообще он странный дядька. Он точно трезвый был? А то может быть, выпил немного и хорохорился. Надо на себя рассчитывать.

И Саня с мамой согласились, что надо исходить из реальных возможностей и не надеяться на иллюзорные прожекты дяди Гриши.

На следующий день приехала Наташа. Саня успел за два дня соскучиться. Погода была мерзкая – остались дома. Сане хотелось всё время быть рядом с Наташей, но в основном слышал щебетание с кухни:

– Тётя Юлечка, а масло с сахаром долго растирать? А по-

чему сказано «пока не побелеет»? Я уже час взбиваю, ничего не белеет. А почему вы соду в сметану кладёте, а не сразу в тесто?

Мама всё растолковывала, что-то приговаривая, наверное, интересное для Наташи. Сане было немного обидно. Когда он заходил в кухню, Наташа махала на него испачканной в муке рукой:

– Нельзя пока, не смотри, это же сюрприз!

Не нужно Сане никакого сюрприза, ему Наташа нужна.

Пришлось терпеливо дожидаться сюрприза. Наташа на вытянутых вперёд руках внесла блюдо с пирогом в комнату. Лицо её было таким торжественным и серьёзным, что Саня рассмеялся.

– Сашка! Я к замужеству готовлюсь, к семейной жизни, а ты смеёшься. Ты что, хочешь после свадьбы супы из пакетиков есть?

– Ой, Наталья, с тобой я готов есть даже пакетики от супов.

За чаем разговор зашёл о свадьбе, но Наташа категорически защищала позицию отца. Все расходы берёт на себя папа. Любые доводы исключаются. Папа так решил — и всё. Никаких кредитов! Раз папа сказал, что осилит, значит так и есть. Всё, тема закрывается. А платье ей действительно сошьют девочки, какое она хочет, а не такое, как в магазине. А вот Сане нужен красивый костюм.

– Да какая разница! Костюмы все одинаковые.

– Нет. Я тебя прошу, ну для меня. Мы вместе пойдём и выберем.

Саня спорить не стал, решив, что костюм — дело десятое. В крайнем случае посоветуется с Тимурчиком.

Тимурчик от известия, что друг решил жениться, да ещё на этой простушке, подавился колой и вылил половину бутылки на свой дорогой джемпер. Он не рискнул возмутиться в открытую, но смысла в женитьбе, тем более на такой девушке, не видел никакого. Он стал исподволь допытываться, не является ли столь поспешный брак результатом определённых отношений? Если так, то он не бросит друга в беде — сам через это прошёл — может оказать помощь, включая финансовую. Но жениться-то зачем! Но, увидев наивный взгляд Сани, решил, что друг окончательно сбрендил. Это ещё раз убедило Тимурчика во вреде учёбы.

Когда Саня был у него дома (Тимурчик, как всегда, нуждался в помощи), его папа неожиданно пригласил к себе в кабинет поговорить. Саня немного удивился: родители Тимурчика всегда относились к нему хорошо, но разговоров тет-а-тет раньше не было.

– Саша, сын сказал, что ты женишься?

– Да, Виталий Викторович. Через три недели.

– Вот дело-то какое, Александр. Я, конечно, считаю, рановато, но ты серьёзный парнишка. Надеюсь, знаешь, что делаешь. Я, собственно, по другому поводу тебя позвал. Мы с матерью очень благодарны тебе за Тимура. Я же знаю, что

без твоей помощи этот оболтус вылетел бы даже с платного отделения, да откровенно говоря, ты его со школы на себе везёшь.

— Что вы, Виталий Викторович! Он же мой друг.

— Да ладно, что я, собственного сына не знаю? Сейчас речь не об этом. Понимаешь, мы с женой хотели бы сделать тебе подарок к свадьбе. Вот, — отец Тимурчика протянул конверт.

— Виталий Викторович! Зачем вы? Не надо! Я очень вас уважаю; и вас, и Ольгу Степановну, но это совершенно лишнее. Я вам ещё раз повторяю: Тимка мой друг, вы меня обидеть хотите?

— Саша! Вот уж точно говорят: юношеский максимализм. Я же тебе не за услуги плачу! Это подарок на свадьбу. Если бы я на день рождения принёс, ты бы так не реагировал? А тут свадьба. Это подарок от нас с женой. Что ты так вскидываешься? Не возмемшь — обидишь двух взрослых людей, которые тебе в родители годятся. Ну?

— Извините, Виталий Викторович, мне всё равно не по себе, неудобно как-то...

— Неудобно на гвоздях спать, и то йоги не мучаются. Всё, давай без церемоний, а то скоро Оля вернётся и будет ещё хуже, понял?

Саня, красный от смущения, взял конверт. Поблагодарил Виталия Викторовича и просил передать большое спасибо Ольге Степановне.

Домой шёл быстро, почти бежал. Хотелось поскорее рассказать всё маме. Он даже не открывал конверт.

Мама сказала, что родители Тимурчика очень милые и внимательные люди. Ей всегда нравились те, кто хорошо относился к её сыну, но открыв конверт, мама побледнела.

– Сашенька! Здесь такая сумма! Мы не можем взять это. Надо позвонить, извиниться и отдать.

– Мам, тогда звони сама, я больше таких разговоров не выдержу.

Они сидели в кухне, несчастные оттого, что никак не могут найти выхода. Приехала Наташа. Увидев потерянные лица и конверт на столе, она почти шёпотом спросила:

– Кто-то заболел? Умер? Плохие новости?

Мама трагическим голосом ответила:

– Нет, Таточка, все, слава Богу, живы-здоровы. Сашенька получил подарок к свадьбе от родителей Тимурчика.

– А почему у вас лица такие? В чём подвох?

– Таточка, ты только посмотри конверт. Что делать, ума не приложу.

Наташа деловито пересчитала деньги.

– Так в чём дело? Купюры фальшивые?

– Да Бог с тобой, Тата, сумма уж очень большая! Отдать надо.

– Ну, тётя Юлечка! Я уж думала, трагедия в семье. Подарок и есть подарок. Богатые люди больше, чем хотят дать, не дадут. Так что вы расстроились зря. А сколько Саша вре-

мени на их сына угрожал? Так может, они ему вообще должны годовой тур на Канары. Он им на репетиторах больше сэкономил.

— Наташа! Что ты говоришь?! Мне никто ничего не должен. Я с друзьями денежных расчётов не веду.

— Всё. Давайте вообще закончим разговор про эти деньги. Папа прав, трепетный ты очень.

— Таточка, я полностью согласна с сыном...

— Всё, всё, всё, тётя Юлечка, вы оба правы, я не права. Какая бы ни была сумма, она не стоит того, чтобы мы перессорились.

— Знаете, что я придумала, — вздохнув, сказала мама. — Если мы пойдём отдавать деньги, действительно очень обидим людей. Они от души, а мы как жлобы поступим. Давайте завтра мы с Таточкой пойдём в дорогой салон и купим самое красивое платье.

— Ох, тётя Юлечка, я же сказала, мне девочки сошьют. Я так решила. И девочки обидятся: мы уже договорились. И вообще я уже устала от этих разговоров о свадьбе.

— Да зачем вообще огород городить? Наташ, давай распишемся просто — и всё.

— Не получится, папа уже полдеревни наприглашал. Представляешь, что будет?

И Саня представил: дядя Гриша, выпив, заплачет пьяными слезами от умиления. Гости с гиканьем будут плясать и подавать им с Наташей хлеб-соль, амбалы с непроницае-

мыми лицами будут есть всё подряд, мама будет тихонько сидеть как случайная гостя. Он видел похожую свадьбу. Женился их однокурсник из Тулы. Тимурчик кривился и в какой-то момент предложил Сане по-тихому смыться, объяснив, что свадьба без драки — деньги на ветер. Ушли они вовремя, драка действительно была. Рассказали ребята в институте. Сане очень не хотелось такой свадьбы. Но отступить некуда.

– Саш, Саш, ты что, уснул? Мы же в кино собирались.

Саня очнулся, улыбнулся Наташе и решил — как Скарлетт О’Хара — что не будет сейчас об этом думать, подумает потом.

Но предсвадебные «страдания» на этом не закончились. Как-то, вернувшись из института, Саня застал маму очень расстроенной. Лицо её было в красных пятнах, значит она плакала.

– Мамочка! Что случилось? Что-нибудь с бабулей, с дядей Серёжей?

– Нет-нет, сыночек, всё, слава Богу, в порядке. Просто тётя Люба приезжала, мы немного поспорили.

Мама не стала передавать разговор с женой брата, да и Саня не горел желанием узнать подробности. Зная тётю, он вполне мог предположить, что она наговорила. Ему было жаль маму, которая наверняка выслушивала поправки и поучения. Маме было неловко передавать то, что она выслушивала на протяжении часа. Люба ворвалась в квартиру, как

тайфун, и с порога начала орать, что не намерена помогать умалишённым родственникам, которых вообще надо оформить под опеку государства, раз у них своих мозгов нет! Только пацан зарабатывать начал, так на тебе — жениться надумал. Да ещё на ком! Девка ни кола, ни двора, лимита приبلудная, отец сторож, мне мать рассказывала, наверняка запойный.

Когда мама пыталась вклиниться в монолог со словами:
— Да наша Таточка...

Люба заорала ещё громче, что ваша Таточка та ещё аферистка, оттяпает их квартиру и выгонит взашей. Будет Саня со своей матерью по вокзалам бомжевать. А невеста с папашей и впрямь аферисты, потому что она Люба — глаз алмаз, не поленилась у своей подруги с зареченских участков выяснить, что сторожем там работает молодой парень молдаванин уже два года и никаких пожилых дядек с дочками там отродясь не было. Поэтому врёт ваша Таточка, как сивая кобыла. Может, и мужик-то этот ей никакой не отец, а подельник. Ловят таких лохов, как её неудачные родственнички. Да гори огнём ихняя свадьба, на которую она и копейки не даст, и ноги её на свадьбе не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.